

6 Щит с центральной частью триптиха «Александр Невский» при въезде в Новгород, 1944

МЕЧ АЛЕКСАНДРА

Лето 1941 года. Война. В июле на Москву начались налеты. В одну из бомбежек во всем доме вылетели стекла — фугаска упала где-то совсем рядом. Павлу Дмитриевичу предложили все его картины вывезти в подвал Третьяковской галереи, незадолго до войны вырытый метростроевцами. П. Корин с женой упаковывал этюды к «Уходящей Руси», портреты, пейзажи. В комнатах и мастерской сразу стало как-то пусто, сиротливо. По голым стенам свисали обрезанные веревки. Пришла полуторка, погрузились. Когда подъезжали к Кадашам, услышали сирену, установленную на крыше «Балчуга». Едва доехали до Третьяковской галереи и успели перенести картины в хранилища, как началась бомбежка. Так здесь все и оставалось, вплоть до 1944 года, когда в опустевших залах Третьяковской галереи, эвакуированной в Новосибирск, открылась выставка работ Павла Корина. Время было такое, что не по выставкам ходить, но все-таки москвичи тогда впервые увидели искусство Корина — портреты Горького, Толстого, Нестерова, Леонидова, Качалова, Игумнова, пейзажи, рисунки.

Первая военная зима для Корина, как и для всех, кто оставался в Москве, была тяжелой. Жили голодно. В холодной мастерской он почти не писал. Начатый еще до войны эскиз мозаичной композиции для Дворца Советов медленно подвигался вперед, да и спешить особенно не приходилось: война отодвигала строительство Дворца на неопределенное время.

Летом 1942 года в приволжских степях начиналась великая битва. Павел Корин много думал о событиях на фронте, верил: настанет час и двинется на запад наша армия. В эти дни пригласили Павла Дмитриевича в Комитет по делам искусств и предложили написать историческую картину об Александре Невском. Корин поначалу хотел отказаться, так как никогда прежде не работал над исторической темой. К тому же без природы он писать не может. Все-таки художник согласился: он считал своим гражданским долгом исполнить этот заказ. В годы войны история обрела новый смысл. Со страниц газет не сходили имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова, Кутузова — великие русские полководцы встали в один строй с защитниками Москвы и Сталинграда. Героическое прошлое внушало веру в победу над врагом.

В Историческом музее и в Оружейной палате Корин изучал древнерусское и западное военное снаряжение — кольчуги, поножи, шлемы, мечи, щиты. Хотя главные коллекции музея были эвакуированы в Кустанай, часть его сокровищ хранилась в Москве, под сводами музейных запасников. Воображение художника поразил шлем Ярослава, меч Всеволода. Именно это оружие помогло Корину окончательно представить образ русского князя-воина.

Художник задумал написать сложную трехчастную композицию. В центре триптиха фигура Александра Невского, решительно сжимающего рукоятку меча. Невольно вспоминается: «Кто с мечом к нам войдет...» Слова эти в грозные дни 1942 года звучали часто — и в газетных репортажах, и в армейских приказах.

Левая часть триптиха «Северная баллада» изображала женщину и богатыря, вышедшего в дозор, зорко глядящего вдаль, откуда может явиться враг. В правой части П. Корин задумал изобразить воинов, которые на плечах несут убитого в бою героя, но в ходе работы переосмыслил композицию этой части триптиха и

полностью ее изменил. В итоге родился «старинный сказ» — былинный мотив, навеянный образами сказителей с берегов Поморья и Онежского озера, хранителей вольной поэзии зверобоев, ушкуйников, мореходов, северян-первопроходцев.

Александр Невский — он вышел на тяжкий бой с врагом. За ним — стеною — рать. Ветер развеивает хоруговь с гневным ликом Спаса. Лицо князя сурово, в глазах его — ненависть, жажда битвы. Красный плащ на черной подкладке — колокол тревоги, опасности для отечества. Тедом своим, грудью прикрыл князь родину — за могучей его фигурой, за сталью доспехов — спокойный и светлый Волхов с отражением златоглавой Софии Новгородской. Словно там, на Софийской стороне и не знают, какая опасность нависла, какие грядут испытания.

Коринский Александр — это возмездие. Его меч — карающий. Его взгляд — испепеляющий, непрощающий. Он победит! Его воинская стать, решимость тому порука. Как звучал этот гордый образ, эта призывная смелая живопись в дни, когда под Сталинградом кипела невиданная в истории битва! Каким пророком пришел этот Александр к солдатам нашей армии, какой неотвратимой верой в победу дышал его грозный лик! Это искусство рождено войной, в нем пафос народных страданий, гул бомбежек над Москвой, грохот танков в жарких приволжских степях, и зарево первых победных салютов.

«Александра Невского» написала горячая рука художника, всем сердцем ощутившего трагедию войны, ее героический пафос. Железный шаг Александра — он был созвучен стальному скрежету танковых гусениц. У коринского «Александра Невского» удивительная судьба — он, обнажив свой меч, вошел в Новгород с передовыми частями Красной Армии. Среди бойцов, освобождавших древний город, оказалось несколько художников. В землянке, перед наступлением, они по цветной репродукции сделали копию с «Александра

31 Александр Невский. Фрагмент средней части триптиха

Невского», почти в размер подлинника. Едва штурмовые батальоны перешли Волхов и ворвались на Софийскую сторону, картину на огромном щите установили при въезде в освобожденный город, рядом с контрольным пунктом ВАД — военно-автомобильной дороги. Около «Александра» установили еще один щит, поменьше, и на нем написали: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

Днем и ночью шли через Новгород наступающие войска. Шли на запад. Их встречал грозный воин-пращур, он звал в бой и призывал к мести — за поруганный Новгород, за сорванное с куполов Софии золото — на портсигары немецким солдатам, за памятник «Тысячелетие России», который оккупанты погрузили в эшелон, но не успели вывезти на медеплавильни рейха.

Красноармейцы фотографировались у «Александра Невского», порой даже не зная имени его создателя, а когда узнавали, писали письма художнику — благодарили. Образ, созданный в осажденной Москве, на тихой Пироговке, пришел через месяцы, через километры к бойцам Волховского фронта.

Немного в истории бывало подобных случаев — когда искусство так вот вплотную, в одном строю, в одной цепи стояло с солдатами. Только художник-патриот мог создать произведение такого героического звучания, такой силы духа. В «Александре Невском» сполна выражено то, о чем П. Д. Корин говорил: «Искусство должно быть героическим, воспитывать и поднимать дух народа».

С кого писал своего Александра художник? Определенной модели у него не было. И все-таки, если не сводить работу над портретом только к точному воспроизведению натуры, можно сказать, что моделей у Корина было множество. Прежде всего, это — выдающиеся русские люди, чьи портреты он писал в канун войны, не их конкретные лица, конечно, а то олицетворение культуры, силы духа, которое они выражали. Разве не помогли Павлу Корину при работе

над образом Александра страницы «Петра I» или «Русского характера» Алексея Толстого, концерты Чайковского, услышанные в исполнении Игумнова, или пушкинские строки, произнесенные здесь же, в мастерской, великим Качаловым? Все это совокупно вошло в героический портрет князя Александра — все лучшее, сильное, талантливое, одухотворенное, рожденное в народе. Если же говорить о конкретном прототипе — им был любимый Кориним Ф. Шаляпин, художник боготворил его, считал величайшим гением и гордостью России. В первые годы московской жизни юноша из Палеха ходил на все оперы, в которых пел Шаляпин. На последние деньги покупал билет в партер и замороженный сидел среди богатых господ в единственном пиджаке, испачканном масляной краской — была у художника скверная привычка вытирать кисти прямо об рукав. Корин вспоминал о своей встрече с певцом в Париже, представлял его на сцене, ставил пластинки с записями Шаляпина — и писать становилось легко, будто перед ним в самом деле в шлеме Ярослава стоял великий артист. Была осень 1942 года. Была суровая зима. Грохотали зенитки у Новодевичьего монастыря, тяжело ухали фугаски. В доме на Малой Пироговской за шторами, за ставнями горела тусклая лампа — художник не слышал зениток — он работал. В «зеленой» комнате, где Павел Дмитриевич писал «Александра Невского», было минус пять, хотя железная печурка топилась часами кряду. Коченеющими пальцами художник ставил пластинку с голосом Шаляпина — и мощный его бас без остатка наполнял и «зеленую» комнату, и всю мастерскую, и даже соседний двор, где его слышал патруль ПВО. В октябре умер учитель. Умер Нестеров. С ним оборвалось что-то дорогое, незабываемое, ушло навсегда. Мало кто в жизни был так дорог сердцу Корина, так духовно близок, как Михаил Васильевич Нестеров. Тридцать лет их соединяла трогательная дружба, сви-

детельством которой остались три прекрасных портрета: два нестеровских и один коринский.

Ушел Горький, ушел Нестеров. Два самых близких ему человека, определивших его судьбу. В Горках Корин рисовал Алексея Максимовича на смертном одре. Теперь вот рисует Нестерова. 1942 год. Год тревог и утрат, еще один год войны.

В конце года «Александр» переселился из мастерской Корина на выставку «Великая Отечественная война» и с той поры навсегда вошел в сознание народа, стал частью его истории. На Всесоюзной выставке 1943 года «Героический фронт и тыл» П. Корин выставил весь триптих. В своей «Автобиографии» Павел Дмитриевич отметил: «В 1942—1943 годах мною был написан триптих «Александр Невский». Я писал его в суровые годы войны, стремясь отразить непокорный, гордый дух нашего народа, который встал во весь свой гигантский рост».

Работа над триптихом «Александр Невский» не стала для Корина случайным эпизодом, она пробудила у художника интерес к историческому сюжету, к героическим страницам отечественной истории. В годы войны он увлеченно работает над эскизами к триптиху «Дмитрий Донской», читает «Задонщину» — повествование XIV века о Куликовской битве. Эпические строки Софония с особым смыслом звучали в дни, когда в придонских степях потомки Дмитрия Донского сдерживали натиск гитлеровских войск. «О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим облакам, взгляни на могучий город Москву и прославь великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича. Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские на берегу великого Дона...

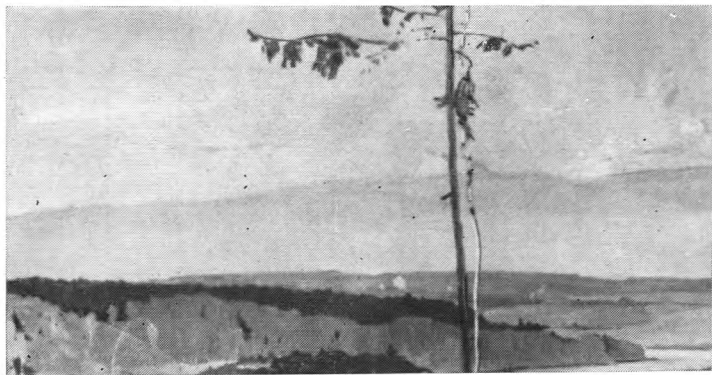
... Набежали серые волки с устья Дона и Днепра, воют стаями у реки у Мечи, хотя кинуться на Русь. То не

серые волки — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю... Затрещали копыя каленные, зазвенели доспехи золоченые, застучали щиты червленые, загремели мечи булатные... Могучие рати сошлись тут и потоптали холмы и луга, и замутили реки, потоки и озера... На том поле грозные тучи сошлись. Часто сверкали в них молнии и гремели громы могучие. То ведь сразились сыны русские с погаными татарами, чтоб отомстить за свою обиду».

Корин читал «Задонщину» и ему казалось, что бьются за землю Русскую не дружины князя Дмитрия, а красноармейские полки — так жгло душу горячее патриотическое слово, пришедшее из далекого XIV века.

В центральной части триптиха художник изобразил Дмитрия и Сергия Радонежского. Перед выступлением в поход против татар князь отправился в Троицкий монастырь к Сергию — крупному государственному деятелю того времени. Сергей поддержал князя Дмитрия, благословил на подвиг. И чтобы Дмитрий чувствовал силу его благословения, послал на битву двух монахов — Пересвета и Ослябю, в первом ряду геройски погибших на Куликовом поле. Их и изобразил П. Корин в эскизе правой части триптиха. До конца войны художник работал над «Дмитрием Донским», менял композицию частей, но так и не завершил триптиха, отвлекла срочная работа. Советская Армия вела бои в Берлине — надо было завершить эскизы мозаичных панно для Дворца Советов. Но строительство Дворца не началось и многолетние разработки П. Корина так и не были реализованы.

В июне 1945 года в «Правде» появилась большая фотография, изображающая группу маршалов, командующих фронтами. Художник вырезал ее и подолгу рассматривал лица прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Постепенно у него сложился замысел большой картины «Комитет обороны». Павел

32 Земля русская. Левая часть триптиха «Дмитрий Донской». Первый эскиз. 1942

Дмитриевич остался верен ивановской традиции — сначала нужно было подготовить этюдный материал. Эту огромную работу художник решил начать с портрета маршала Г. К. Жукова.

Осенью 1945 года Павел Корин в Москве встретился с маршалом. Георгий Константинович на несколько дней прилетел из Германии. Художник попросил Жукова позировать.

— Двух-трех сеансов Вам, вероятно, хватит?, — спросил маршал.

— Что Вы, Георгий Константинович, за это время и фотограф не управится. Нужно не меньше пятнадцати, а то и двадцати по полтора часа. Я отношусь к своему делу очень серьезно, так же как Вы — к своему. Жуков недоверчиво посмотрел на художника:

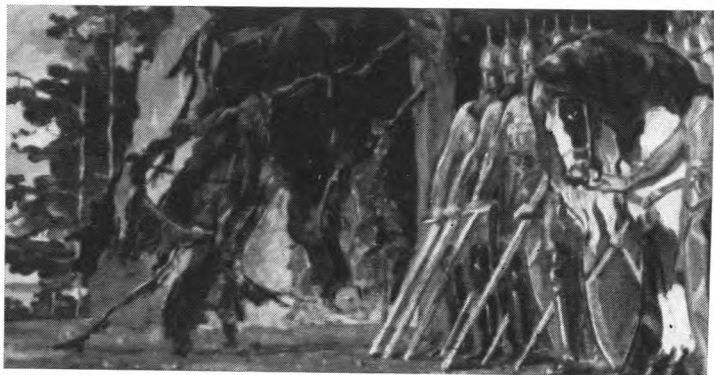
— Да неужели так много времени нужно?

— Вы вот любуетесь «Девочкой с персиками» Серова. А знаете, что он писал этот портрет семьдесят сеансов? — ответил Корин.

— Раз так, — сказал маршал, — приезжайте в Берлин.

33 Дмитрий Донской и Сергей Радонужский.
Средняя часть триптиха «Дмитрий Донской». Первый эскиз. 1942

34 Великокняжеская дружина. Правая часть триптиха «Дмитрий Донской». Первый эскиз. 1942

Здесь у меня осталось всего несколько дней. И, знаете, в Германию допускаются только военные — Вам придется на время надеть форму. На капитана согласны?

Жуков вызвал адъютанта и приказал экипировать по-военному «товарища художника».

Через месяц, 16 октября капитан Корин прибыл в Берлин, в Бабельсберг. Работа над портретом шла медленно: у Жукова было множество неотложных дел и позировать удавалось урывками, от случая к случаю. Бывало и так, что приходилось прерывать сеанс: маршал должен срочно куда-нибудь выехать; Корин не успевал сложить кисти, как машина Жукова уже мчалась по улочкам Бабельсберга.

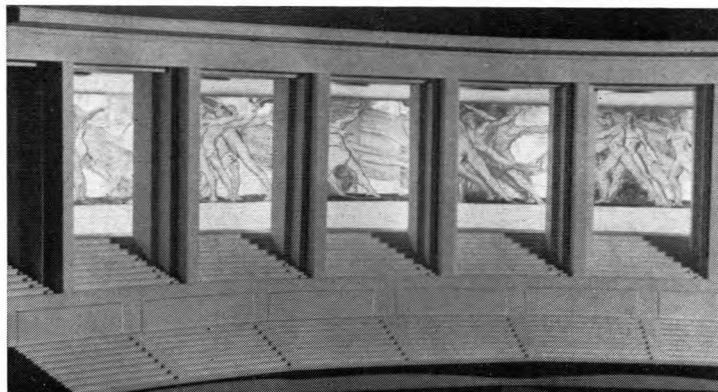
Первый сеанс состоялся 17 октября, а последний раз — 8 декабря. Корин старался рисовать Г. Жукова всюду, где видел его. Как-то адъютант маршала дал художнику фотографию, на которой изображены Жуков и Рокоссовский, принимающие иностранную делегацию. С этой фотографией Корин пришел в тот

же день на торжественное заседание в честь 28-й годовщины Октябрьской революции, состоявшееся в штабе наших войск в Бабельсберге. Маршал сидел в президиуме. Блокнота под рукой не оказалось, и Корин зарисовал Жукова прямо на обороте фотографии. Недавно этот рисунок среди бумаг художника обнаружила Прасковья Тихоновна Корина.

В перерывах между сеансами Корин бывал в Берлине, где все еще напоминало о войне. С блокнотом в руках ходил он среди развалин. Долго стоял на ступенях рейхстага и вспоминал кинокадры: наши бойцы стреляют в воздух из автоматов — Победа! Художник нарисовал здание рейхстага, когда оно хранило еще следы недавнего штурма фашистской цитадели. Ныне

35 Портрет маршала Г. К. Жукова. 1945

36 Макет и эскиз мозаики для Дворца Советов «Марш в будущее». 1940—1941

этот рисунок, как фотографии и кинокадры, снятые в мае сорок пятого года, стал документом истории. С разрешения Жукова художник побывал в рейхсканцелярии Гитлера, в бункере фюрера, где он и Ева Браун покончили с собой. На разрушенных улицах возрождалась жизнь, на Унтер-ден-Линден встретился Корину рождественский дед с шарманкой. Советские бойцы помогали немцам строить карусели для встречи рождества.

Корин закончил портрет Георгия Константиновича Жукова уже зимой.

Волевой, по-военному подтянутый, в маршальской форме, — таким написал П. Д. Корин одного из самых выдающихся советских полководцев. Имя маршала еще в дни войны стало легендой. Его с надеждой и верой называли солдаты под Ленинградом и под Москвой, в белорусских болотах и на подступах к Берлину. Ордена на груди — как сталь доспехов. Металлом отливают синий мундир маршала. И в лице его, и в крепкой коренастой фигуре есть что-то железное, неsgi-

баемое. Чувствуется: этот человек привык принимать ответственные решения, управлять огромными массами людей. Весь он — воплощение власти и военного приказа, которому подчинены миллионы жизней, миллионы судеб.

Закончив портрет, Корин показал его маршалу.

— Мне нравится, — сказал он. — И лицо полевое. Спасибо.

— А что значит «полевое», Георгий Константинович? — спросил Корин.

— Такое, какое бывает на поле битвы, — улыбнулся Жуков...

Георгий Константинович достал из сейфа бланк с грифом: «Главначальствующий советской военной администрации маршал Советского Союза Жуков Г. К.» и написал: «Председателю Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко. Мой портрет, написанный т. Кориным П. Д., я считаю выполнен хорошо. Он правдиво отображает действительность. Г. Жуков».

Сегодня портрет маршала висит в Третьяковской галерее. Около него всегда люди — они благодарны художнику за то, что его кисть запечатлела образ человека, с именем которого в сознании народа так прочно связана победа над фашизмом.

В первые послевоенные годы Корин написал портреты маршалов П. Рыбалко, Ф. Толбухина, Л. Говорова, нарисовал генерал-полковника С. Штеменко для картины «Комитет обороны».

К сожалению, в большинстве портретов военачальников П. Д. Корин не смог глубоко раскрыть суть человеческих характеров.

В них много внешней парадности. Возможно, дело тут в том, что художник недостаточно хорошо знал людей, которых писал, не знаком был с военной средой. Сказалась, наверное, и общая тенденция того времени: изображать войну и ее героев возвышенно-патетически. Психологичность, характерность уступили место парадности.

Несколько лет художник работал над эскизом картины «Комитет обороны», но замысел свой осуществить не смог: кто-то из военачальников умер, кто-то оставил службу. Жизнь, как бывает, внесла поправки в творчество художника и не его вина, что картина не родилась. Художник переживал крушение своего замысла. Не написана «Уходящая Русь», не завершены эскизы мозаик для непостроенного Дворца Советов, пришлось отказаться от «Комитета обороны». П. Корин снова, как в конце тридцатых годов, оказался на распутье. За что приняться? Это очень трудно для художника — выбор новых тем, сюжетов. Мучительно раздумывая, он часами ходил по мастерской, думал о прошлом, о будущем, каким путем идти дальше? В один из таких дней в мастерской Корина появился Алексей Викторович Щусев, он приехал к художнику с интересными предложениями...